

К. В. Истомин

**КОЧЕВАЯ МОБИЛЬНОСТИ КОМИ-ИЖЕМСКИХ ОЛЕНЕВОДОВ:
СНЕГОХОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЫНОЧНАЯ РЕСТАВРАЦИЯ***

УДК 39(470.531)

ББК 63.521(=664)

Культура и быт коми-ижемских оленеводов, проживающих в Республике Коми, претерпели в первом десятилетии XXI в. существенные изменения. Они были обусловлены, с одной стороны, завершением адаптации оленеводов к рыночной экономике, что выразилось в частичном восстановлении рыночноориентированного характера ижемского оленеводства (рыночная реставрация), а с другой — быстрым распространением среди оленеводов снегоходов, что вызвало последствия, в какой-то мере сопоставимые со знаменитой снегоходной революцией в северной Скандинавии. Наиболее заметным изменением стало снижение уровня кочевой мобильности в зимний период. Снегоходы помогают оленеводам сохранять контроль над стадами. Переход к оседлому образу жизни в зимний период позволяет оленеводам более эффективно реализовать на рынке продукцию личных оленей. С другой стороны, снижение кочевой мобильности ограничивает возможность гибко реагировать на изменение условий выпаса путем смены пастбищ. Благодаря снегоходам оленеводы дольше удерживают стада на одних и тех же пастбищах, что создает риск перевыпаса. Наконец, выпас оленьих стад вблизи поселков увеличивает риск браконьерства, что повышает вероятность социальных конфликтов.

Ключевые слова: *оленеводство, кочевая мобильность, экосоциальная адаптация, постсоциалистические трансформации, коми, ижемцы, Большеземельская тундра*

Начиная со второй половины XX в., в западной научной литературе возобладали взгляд на кочевое животноводство как на специфический способ адаптации человеческого коллектива к природной среде аридных либо арктических зон, где растениеводство невозможно или непродуктивно.¹ Главным элементом такой адаптации выступает кочевая мобильность, которая в данной хозяйственной системе может осуществлять две основные функции: 1) функцию поддержания экологической стабильности через равномерное распределение пастбищной нагрузки по большой территории и, таким образом, через снижение этой нагрузки до уровня, при котором возможно стабильное восстановление пастбищных ресурсов; 2) функцию максимизации доступных животным пастбищных ресурсов через нивелирование сезонного

либо случайного уменьшения количества ресурсов в определенных географических локациях путем перемещения в другие локации.² В различных географических зонах у разных народов кочевая мобильность, как правило, выполняет в основном либо первую, либо вторую функцию, хотя их совмещение также возможно.³

С конца 1960-х — начала 1970-х гг., однако, было опубликовано множество свидетельств того, что функции кочевой мобильности не ограничиваются адаптацией к природной среде. Так, кочевая мобильность может быть средством избегания либо разрешения конфликтов с другими группами, как оседлыми, так и кочевыми, а также между отдельными семьями внутри группы кочевников;⁴ средством ухода от политического и экономического контроля со стороны государства, включая уход

¹ См.: Dyson-Hudson R., Dyson-Hudson N. Nomadic Pastoralism // Annual Review of Anthropology. 1980. Vol. 9. P. 15–61.

Истомин Кирилл Владимирович — к.и.н., с.н.с., Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)
E-mail: kistomin@naver.com

* Исследование выполнено по гранту РНФ № 14-18-01882 «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации» (рук. А. В. Головнёв)

² См.: Paine R. The herd management of Lapp reindeer pastoralists // Perspectives on Nomadism. Leiden, 1972. P. 76–87; Gulliver P. H. Nomadic movements: Causes and Implications // Pastoralism in tropical Africa. London, 1975. P. 369–386.

³ См.: Paine R. Op. cit.; Coppock D. L., Ellis J. E., Swift D. M. Livestock Feeding Ecology and Resource Utilization in a Nomadic Pastoral Ecosystem // The Journal of Applied Ecology. 1986. Vol. 23, iss. 2. P. 573–583.

⁴ См.: Barth F. Nomads of South-Persia: the Basseri Tribe of the Khamseh Confederacy. Boston, 1961; Bates D. G. Nomads and Farmers: A Study of the Yörük of Southeastern Turkey. Ann Arbor, 1973.

от налогообложения;⁵ средством осуществления политического контроля над территорией и ее оседлым населением;⁶ средством установления и поддержания торговых связей.⁷ В ряде случаев эти неэкологические функции кочевой мобильности могут выходить на первый план и приводить к появлению кочевого животноводства в тех местах, где экологические факторы вполне допускают ведение оседлого хозяйства.⁸ Иными словами, кочевая мобильность может быть средством адаптации не только к экологической среде, но и к социальной.

Всякая адаптация по определению динамична: она постоянно модифицируется в ответ на изменения в среде, и таким образом, должна рассматриваться как процесс.⁹ В одной из предыдущих публикаций в соавторстве с М. Двайером¹⁰ автор настоящей работы показал, как ненцы и коми оленеводы принимают решения о времени и (в случае ненцев) направлении перекочевки в ответ на воздействие экологических (воспринимаемых сквозь призму изменения поведения оленей) и социальных факторов. Принимаемые оленеводами решения должны отражать баланс этих факторов, однако нахождение такого баланса, как показывает опыт, не всегда возможно. Часто случается так, что изменение кочевой мобильности, необходимое для успешной адаптации к изменившейся социальной среде, входит в противоречие с потребностями адаптации к экологической среде, что может иметь серьезные социальные и экологические последствия и в ряде случаев вести к распаду и исчезновению кочевого хозяйства. Поэтому появление признаков такого противоречия в кочевом хозяйстве любой группы требует к себе самого пристального внимания исследователя.

⁵ См.: Ibid; Golovnev A. V., Osherenko G. *Siberian survival: the Nenets and their story*. Ithaca, 1999.

⁶ См.: Burnham P. "Regroupment" and Mobile Societies: Two Cameroon Cases // *The Journal of African History*. 1975. Vol. 16, iss. 4. P. 577–594.

⁷ См.: Khazanov A. M. *Nomads and the Outside World*. Madison, 1994.

⁸ См.: Irons W. *Nomadism as a Political Adaptation: The Case of the Yomut Turkmen* // *American Ethnologist*. 1974. Vol. 1, iss. 4. P. 635–658; Elam Y. *Nomadism in Ankole as a Substitute for Rebellion* // *Africa: Journal of the International African Institute*. 1979. Vol. 49, iss. 2. P. 147–158.

⁹ См.: Orlove B. S. *Ecological Anthropology* // *Annual Review of Anthropology*. 1980. Vol. 9. P. 235–273.

¹⁰ Dwyer M. J., Istomin K. V. *Theories of nomadic movement: A new theoretical approach for understanding the movement decisions of Nenets and Komí reindeer herders* // *Human Ecology*. 2008. Vol. 36, iss. 4. P. 521–533.

В настоящей работе описываются изменения в культуре, образе жизни и в связанных с ними аспектах кочевой мобильности коми-ижемцев — одной из групп оленеводов-кочевников, проживающих на крайнем северо-востоке Европейской России, у которых проявляются признаки указанного противоречия. Цели работы включают, во-первых, выявление изменений в социальной среде, адаптация к которым через изменение системы кочевой мобильности вошла в противоречие с экологической составляющей этой мобильности; во-вторых, оценку последствий этого противоречия для связей группы с экологической и социальной средой.

В основу настоящей работы положен материал, собранный автором в ходе многочисленных полевых работ среди коми-ижемских оленеводов, проживающих на севере Республики Коми. Материал охватывает период с 2001 г. по лето 2014 г.

Коми-ижемское оленеводство в дореволюционный и советский периоды

Коми-ижемцы — самая северная и относительно молодая этнографическая группа коми-зырян, сложение которой происходило в бассейне реки Ижма (левый приток Печоры) начиная с XVI в.¹¹ Основной чертой, выделившей эту группу из других коми-зырян, стал переход части ее членов к кочевому оленеводству и, следовательно, к мобильному образу жизни, происшедший, по разным оценкам, во второй половине XVII — начале XVIII вв.¹² В основу коми-ижемского оленеводства легли практики обращения с северным оленем, заимствованные ижемцами у своих соседей — европейских ненцев, у которых были также заимствованы основные элементы кочевого быта: мобильное жилище — чум, одежда и обувь из оленьего меха, оленьи нарты и упряжь.¹³ Однако существенной особенностью коми-ижемского оленеводства, изначально резко отличавшей его от оленеводства ненцев, был его рыночный характер.¹⁴

¹¹ См.: Лашук Л. П. *Очерк этнической истории Печорского края*. Сыктывкар, 1958.

¹² См.: Там же; Жеребцов Л. Н. *Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами*. М., 1982.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Иславин В. *Самоеды в домашнем и общественном быту*. СПб., 1847; Крупник И. И. *Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев* // *Советская этнография*. 1976. № 2. С. 57–69; Конаков Н. Д., Котов О. В. *Этноартельные группы коми: формирование и современное состояние*. М., 1991.

Ижемцы выращивали оленей в основном на продажу, и товарно-денежные отношения играли в их хозяйстве существенную роль.¹⁵ Это обусловило бурное развитие новой отрасли ижемского хозяйства, быстрый рост поголовья оленей,¹⁶ что позволило ижемцам к середине XIX в. занять доминирующее положение в тундровой экономике на северо-востоке Европейской России,¹⁷ а к концу столетия — расширить ареал своего обитания от Кольского полуострова на западе до бассейна нижней Оби и далее на восток.¹⁸

Рыночная ориентация оленеводческого хозяйства ижемцев определила многие его существенные черты, такие как крупнотадность (даже по тундровым меркам, очень большой размер отдельно выпасаемого стада), постоянное наблюдение за стадом в бесснежный период года, широкое использование наемного труда пастухов и др.¹⁹ Характер кочевой мобильности ижемцев также во многом определялся рыночной ориентацией хозяйства. Так, четкая меридиональная система кочевания с устойчивыми маршрутами (вэрга) и интенсивным кочеванием в весенний и летний периоды²⁰ служила, по-видимому, максимизации пастбищных ресурсов и снижению пастбищной нагрузки при выпасе больших стад оленей. Такой характер кочевания отличал ижемцев от относительно малооленных ненцев Большеземельской тундры и сближал их с ненцами полуострова Ямал, также известными своими большими стадами оленей. По сведениям Сергея Керцелли, на кочевой календарь ижемцев также оказывали влияние нужды торговли: относительно ранний выход существенной части ижемцев с летних пастбищ (конец июля по ст. ст.) и их интенсивный график осенних кочевок были обусловлены желанием попасть на побережье Печоры

и Усы до замерзания этих рек для выгодной торговли с прибывающими туда на лодках чердынскими купцами — основными скупщиками оленьего мяса и шкур у ижемцев.²¹ После завершения торговли оленеводам приходилось переходить Печору и Усу и до весны использовать таежные оленьи пастбища, что существенно удлиняло кочевой маршрут.

Рыночная ориентация ижемского оленеводческого хозяйства была разрушена в период коллективизации, и это отразилось на образе жизни ижемских оленеводов, в том числе на характере их кочевой мобильности. Наиболее существенными были изменения в календаре кочевания и в протяженности кочевых маршрутов, ставшие особенно заметными в совхозный период (совхозам, в отличие от колхозов, приходилось меньше беспокоиться о транспортировке и реализации своей продукции). Так, оленеводы стали гораздо позднее покидать летние пастбища (в конце 1980-х гг. их оставляли примерно на 2 недели позже, чем в начале века) и медленнее двигаться на юг в осенний период. Это постепенно привело к значительному сдвигу срока забоя: если в начале века он, по сведениям Керцелли, проходил в конце октября — начале ноября,²² то в колхозный период, по сведениям информаторов, сроки его проведения уже сдвинулись на конец ноября. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. забой проводили обычно в начале декабря, а в 1980-е гг. — перед Новым годом. Сами оленеводы объясняют сдвиг в календаре кочевания нуждами сохранения поголовья (более редкие перекочевки в осенний период помогают исключить потерю оленей), удобством передвижения (переход крупных притоков Усы и Печоры по льду, а не в плыв, менее опасен и позволяет снизить заболеваемость в стаде) и необходимостью сохранения зимних пастбищ (выход на ягельные пастбища в период, когда они уже покрыты значительной снежной подушкой, снижает потери ягеля от вытаптывания его оленями). Все эти объяснения подтверждают тот факт, что ранний выход с летников и интенсивное осеннее кочевание, характерные для ижемского оленеводства начала XX в., были адаптацией к социальной (социально-экономической) среде, а не к экологическим условиям.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Заметим, впрочем, что часть современников видела причины этого роста в прямом грабеже ижемцами ненцев (см., напр.: Иславин В. Указ. соч.).

¹⁷ См.: Керцелли С. В. По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск, 1911.

¹⁸ См.: Конаков Н. Д., Котов О. В. Указ. соч.; Согласно имеющимся полевым данным, наиболее восточная компактно проживающая группа ижемцев фиксируется в селе Самбург на нижнем Пуре.

¹⁹ См.: Истомин К. В. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2004; Он же. Коми-ижемское оленеводство Большеземельской тундры // Приполярная перепись 1926/27 гг. на Европейском Севере (Архангельская губерния и автономная область Коми). СПб., 2010. С. 317–319.

²⁰ См., напр.: Журавский А. В. К самоедскому вопросу // Изв. о-ва изучения Рус. Севера. 1909. № 2. С. 10–28.

²¹ Керцелли С. В. Указ. соч.

²² Там же.

Рыночная реставрация

Распад совхозной системы в начале 1990-х гг. создал, как теперь — задним числом — можно констатировать, не только серьезные вызовы, но и новые широкие возможности для коми-ижемского оленеводства. Вызовы состояли прежде всего в полном распаде системы совхозного снабжения: прекратились регулярные полеты в тундру вертолетов, перестали поддерживаться в надлежащем состоянии корали и забойные пункты, на некоторый период не проводилась даже вакцинация животных. Зарплата оленеводов и чумработниц также резко сократилась. С другой стороны, были отменены ограничения на поголовье личных оленей и на сбыт оленеводческой продукции, а контроль за движением поголовья бывших совхозных оленьих стад, полностью перешедших теперь к сменившим совхозы производственно-сельскохозяйственным кооперативам (ПСК) и акционерным обществам, значительно ослаб. Как шутили в начале 2000-х гг. оленеводы, «волки в тундре очень умные: они у нас только совхозных оленей едят, а личных никогда не трогают».²³ В результате в последнее десятилетие XX в. произошло быстрое перераспределение оленьего поголовья: стада бывших совхозов сократились, но зато личные стада работавших в них оленеводов резко выросли. Соответственно увеличились объемы частной торговли оленеводческой продукцией и расширился ее ассортимент: оленеводы начали продавать частным коммерсантам не только мясо и камусы, но также панты и роголом. Те оленеводы, кто не смог увеличить поголовье личных оленей и организовать сбыт оленеводческой продукции, маргинализировались и к началу XXI в. оказались полностью вытесненными из отрасли. К середине 2000-х гг. прибыль от торговли продукцией личных оленей у оленеводов ОАО «Большая Инта», например, составляла примерно 2/3 их доходов, в то время как всего лишь 1/3 приходилась на зарплату.²⁴ Таким образом, к 2005 г. оленеводство коми вновь превратилось в фактически частную коммерческую отрасль хозяйства, существующую «под прикрытием» едва сводящих концы с концами совхозов.

Фактическое восстановление рыночной ориентации оленеводства вновь поставило перед ижемскими оленеводами задачи, с которыми они не сталкивались весь советский период. Речь идет об организации сбыта оленеводческой продукции и о повышении ее рыночной стоимости. Первая задача в досоветское время решалась посредством адаптации календаря кочевания к датам приезда купцов; вторая — путем частичной переработки оленеводческой продукции в полуфабрикаты, имеющие более высокую стоимость. Наиболее широкое распространение в этот период получила выделка замши из оленьих шкур.²⁵ У современных ижемских оленеводов замшеделие заменилось производством изделий из оленьего меха и камусов, при этом первое место занимает производство пимов (сапоги из оленьего камуса на твердой подошве). Реализация готовой обуви дает оленеводам примерно в три раза больше выручки по сравнению с продажей сырья для нее (камусов).

Пошив меховых изделий достаточно трудоемок, и занимаются им исключительно женщины. При этом оленеводы хорошо знают, что количество и, главное, качество продукции возрастают, если женщина занимается шитьем в поселке, где есть электрическое освещение, в жилище больше места и где заботы о тепле и пище не отнимают так много времени, как в чуме. Кроме того, в поселке женщина может шить меховые изделия на заказ. Тут задача повышения рыночной стоимости продукции тесно смыкается с задачей организации ее сбыта: конечно, в Печорском крае достаточно коммерсантов, готовых скупать у оленеводов мясо и пимы оптом, но оленеводы быстро поняли, что могут получить гораздо большую прибыль, продавая свою продукцию непосредственно конечным потребителям через частные объявления либо под заказ. Этот способ торговли, однако, также предполагает длительное пребывание оленеводов в поселке или городе. Таким образом, решение обеих задач, поставленных рыночной реставрацией в оленеводстве, возможно путем удлинения срока пребывания оленеводов (или, по крайней мере, их женщин) в стационарных поселках. Чем длиннее этот срок, тем больше денежной прибыли могут получить оленеводы.

²³ ПМА, совхоз «Большая Инта», 2001 г.

²⁴ ПМА, оценка семейных бюджетов 6 семей оленеводов ОАО «Большая Инта», 2003 г.

²⁵ См.: Керцелли С. В. Указ. соч.; Он же. Производство оленьей замши на Печоре. СПб., 1914.

Снегоходная революция

Хотя первые снегоходы появились в Печорском крае уже в конце 1970-х — начале 1980-х гг., их массовое распространение среди оленеводов пришлось уже на постсоветское время.²⁶ Здесь же необходимо отметить, что у ижемских оленеводов снегоходная революция²⁷ шла одновременно с рыночной реставрацией и эти процессы взаимно дополняли друг друга.

В 1990-е гг. количество снегоходов, находившихся в распоряжении оленеводов, росло достаточно медленно, что, конечно, было обусловлено кризисом в стране, низким уровнем доходов оленеводов на фоне высоких цен на бензин и саму технику. Тем не менее, на рубеже XX и XXI вв. в большинстве оленеводческих бригад было уже по 1–2 «Бурана»,²⁸ что примерно соответствовало одному снегоходу на 3–4 оленеводческие семьи. В первом десятилетии XXI в., однако, произошел скачкообразный рост количества снегоходов, принадлежащих оленеводам. Во второй половине этого десятилетия, в каждой оленеводческой семье был уже по крайней мере один снегоход; более того, считалось нормальным и даже необходимым, чтобы каждый взрослый мужчина-олeneвод имел в своем распоряжении личный снегоход.²⁹

Такое быстрое распространение снегоходов, происшедшее буквально за несколько лет, несомненно, обусловлено успехами рыночной реставрации в ижемском оленеводстве. С другой стороны, вызванные этим изменения в образе жизни оленеводов сами могут быть поняты только в контексте рыночной реставрации. Так, начиная с середины 2000-х гг. оленеводы бассейна средней Усы перестали жить зимой в чуме (последний чум у них стоял зимой 2004/2005 гг.). Сегодня оленеводы живут зимой в поселках Адзавом, Роговая или Петрунь (изредка — в избушке на раздельном корале), в то время как их стада па-

суться вблизи этих поселков — на расстоянии до 40 км. Оленеводы регулярно ездят на снегоходах «кружить» свои стада, т. е. объезжают их по периметру, возвращая отбившихся животных (что является основной операцией зимнего выпаса).³⁰ Такие поездки занимают обычно один день, реже два (в последнем случае оленеводам приходится проводить ночь в снегу, под открытым небом). Разумеется, в поездках к стадам участвуют одни мужчины, в то время как женщины постоянно находятся в поселках, занимаясь в основном изготовлением пим и других изделий из меха.

В отличие от оленеводов бассейна Усы, большинство оленеводов Ижемского района до сих пор живет зимой в чумах на пастбищах, которые могут находиться на значительном расстоянии от поселков. Однако и здесь распространение снегоходов привело к стихийному формированию «вахтового метода», или сменного выпаса: оленеводы делятся на две группы, которые поочередно сменяют друг друга в чуме (обычно через каждые две недели). Члены «недежурной» группы живут в поселке, занимаясь торговлей оленеводческой продукцией и иногда приработками. Такой «сменный» характер выпаса оленей стал возможен потому, что для «кружения» стада здесь также используются «Бураны», что значительно снижает трудозатраты.³¹ Часто в зимнем чуме живут, сменяя друг друга, одни мужчины, а женщины всю зиму находятся в поселке, занимаясь изготовлением пим. «Сменный» характер выпаса оказал существенное влияние на кочевую мобильность: если в «доснегоходный» период ижемцы меняли место зимней стоянки каждый месяц, а иногда и чаще, то сегодня они совершают всего 2–3 перекочевки за зиму, а в некоторых бригадах чум всю зиму стоит на одном месте.³²

Все описанные изменения в образе жизни и в уровне зимней кочевой мобильности, как нетрудно заметить, вполне отвечают задачам, поставленным перед оленеводами рыночной реставрацией. Эти изменения стали возможны потому, что снегоход является достаточно скоростным видом транспорта: его скорость по бездорожью составляет около 30 км/ч,

²⁶ Объяснение возможных причин такой задержки см.: Истомин К. В. Попытка построения стадияльной модели межкультурного заимствования и внутрикультурного распространения технологических инноваций (на примере кочевых и полукочевых ненцев Тазовской тундры) // Этнографическое обозрение. 2015. № 3. В печати.

²⁷ Объяснение термина см.: Peltó P. J. The snowmobile revolution: technology and social change in the Arctic. Prospect Heights, 1987.

²⁸ См.: Истомин К. В. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства.

²⁹ ПМА, совхоз «Большая Инта», 2007 г.

³⁰ Истомин К. В. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства...

³¹ Там же.

³² ПМА, совхоз «Большая Инта», 2007 г.; Интинский р-н Республики Коми, 2014 г.; Ижемский р-н Республики Коми, 2014 г.

превышая, таким образом, скорость оленьей упряжки, по крайней мере, в 3 раза (даже если не учитывать снижение скорости из-за усталости животных). Поэтому снегоход позволяет гораздо быстрее достичь пасущееся стадо и «покуржить» его, либо придать ему новое направление движения. Это, в свою очередь, позволяет оленеводам сохранять контроль над стадами на гораздо большей территории, чем раньше, не переставая для этого чум.

Влияние изменений в кочевой мобильности на адаптацию к природным и социальным условиям

Происшедшие в начале XXI в. изменения в образе жизни оленеводов, в частности резкое снижение их кочевой мобильности в зимний период, явились элементами адаптации оленеводов к изменениям в их социальной среде, в том числе к рыночным отношениям. Благодаря этой адаптации удалось избежать резкого сокращения поголовья оленей, обнищания оленеводов и их превращения в маргинализированную прослойку оседлого поселкового населения, как это, к сожалению, произошло во многих районах Центральной и Восточной Сибири.³³ Однако указанные изменения в образе жизни оленеводов могут породить новые трудноразрешимые проблемы как экологического, так и социального плана.

Хотя при оседлом образе жизни снегоходы и позволяют осваивать большую территорию, чем упряжки, это вряд ли компенсирует коми-ижемским оленеводам потери, вызванные свертыванием кочевой мобильности, что особенно заметно на примере оленеводов-коми средней Усы. Их зимнее «оседание» в поселках привело к сокращению территории зимнего выпаса оленей до участка радиусом примерно 30–40 км от поселка: стадо направляют так, чтобы оно в процессе выпаса описывало окружность вокруг поселка. Несложные расчеты показывают, что путь, который при этом проходит за зиму стадо, примерно на треть меньше, чем в «предснегоходный» период (в начале XXI в.). Главное отличие между «доснегоходным» и «снегоходным» периодами состоит, однако, в том, что до появления снегоходов ижемцы ежегодно ме-

няли территорию зимнего выпаса, стараясь давать отдельным участкам зимних пастбищ время на отдых и восстановление. Учитывая достаточно медленный рост ягеля,³⁴ такая практика была вполне оправдана с экологической точки зрения. В настоящее время привязанность к конкретным поселкам сделала прежний пастбищеоборот практически невозможным. Ижемцы стараются уменьшить многолетнюю нагрузку на пастбища, используя их попеременно и таким образом давая ближайшим пастбищам (10–25 км от поселка) «отдохнуть» в те годы, когда используются дальние (30–40 км от поселка). Тем не менее, частота использования одних и тех же участков пастбищ для зимнего выпаса значительно выросла. Более того, привязанность к поселкам и отсутствие зимних чумов существенно снизили адаптацию оленеводов к неблагоприятным снеговым условиям. Некоторые периодически возникающие природные явления (например, затяжная осень с частыми оттепелями, когда уже выпавший снег подтаивает, а потом замерзает, либо оттепель в середине зимы), могут вызвать формирование ледяных корок (тагӧс) либо на земле под слоем снега, либо в толще снежного покрова. В особо неблагоприятные годы может сформироваться несколько слоев льда, расположенных в толще снега один над другим. Эти слои льда затрудняют оленям выкапывание пищевых ям в снегу и добывание из-под снега ягеля, а в некоторых случаях (когда ледяной щит сформировался непосредственно на поверхности земли и ягель вмерз в него) делают использование пастбищ в данную зиму невозможным. В «доснегоходный» период оленеводы просто покидали территории, где снеговые условия были неблагоприятными, и откочевывали в поисках «земли, где снег мягче». Это не всегда помогало: падеж оленей от бескормицы, вызванной «гололедицей», является давним бичом оленеводства. Современные оленеводы также стараются покинуть пастбище в случае «гололедицы», однако отсутствие зимних чумов и нужды торговли не дают им уйти далеко и «кружить» уведенное подальше стадо систематически. Поэтому даже локальная «гололедица» может привести к потерям оленей.

Наконец, следует упомянуть еще один менее очевидный, но потенциально очень опасный

³³ Jernsletten J.-L., Klokov K. Sustainable reindeer husbandry. Arctic Council 2000-2002. Tromsø, 2002; Ulvevadet B., Klokov K. Family-Based Reindeer Herding and Hunting Economies, and the Status and Management of Wild Reindeer/Caribou Populations. Tromsø, 2004.

³⁴ См.: Чернов Ю. И. Жизнь тундры. М., 1980.

эффект появления снегоходов. В предыдущих публикациях, мы показали, что в традиционном оленеводстве существует механизм, позволяющий предотвратить перевыпас пастбищ в собственно экологическом смысле этого слова: когда количество пастбищных ресурсов, доступных животным, сокращается, олени начинают разбегаться в поисках пищи, и оленеводам становится трудно их контролировать.³⁵ Чтобы предотвратить это, оленеводам приходится позволить стаду переместиться на новую территорию. Существует ряд свидетельств,³⁶ что для оленеводов, оснащенных традиционными инструментами выпаса (т. е. упряжкой и собаками), технологический перевыпас пастбища (падение количества ресурсов до такого уровня, что становится невозможным контролировать на нем оленей) наступает раньше экологического перевыпаса (падения пастбищных ресурсов до уровня, при котором их восстановление в данном режиме выпаса становится невозможным), поэтому экологического перевыпаса удается избежать. При выпасе же на снегоходах ситуация может быть иной: по наблюдениям автора, современные оленеводы, оснащенные снегоходами, допускают гораздо большую дисперсию стада по территории, чем та, которую они сочли бы безопасной в «доснегоходный» период, поскольку скоростной транспорт позволяет им «кружить» рассеянные стада и сохранять над ними контроль. Поэтому вполне возможно, что использование новых технологических средств может обернуться экологическим перевыпасом, что будет иметь самые неблагоприятные последствия для хрупкой тундровой экосистемы.

Кроме того, кочевая мобильность коми решала не только экологические, но и социальные задачи. Так, в начале XXI в. одним из мотивов, заставлявших оленеводов откочевывать дальше от поселков, было стремление избежать браконьерского отстрела оленей оседлыми жителями. Опасность такого отстрела была особенно велика в 1990-е гг., но она сохраняется и поныне, хотя и в меньшей степени. Более того, с тех пор как оленеводы перестали откочевывать далеко от поселков

или стали проводить всю зиму в определенных местах, они фактически сами провоцируют браконьерский отстрел своих животных. К сожалению, доказать такой отстрел сложно, что лишает оленеводов возможности добиться наказания виновных по закону, поэтому они иногда прибегают к «неформальным» методам борьбы с браконьерами, что, конечно, несет в себе огромный потенциал социальных конфликтов.

Выводы

Происшедшие в российском обществе в 1990-е гг. глубокие социальные сдвиги не обошли стороной даже самые удаленные и изолированные группы на территории страны. Необходимость адаптироваться к изменившимся социальным условиям встала и перед оленеводами-кочевниками. Некоторым группам (например, ямальским ненцам), как мы можем судить сегодня, удалось адаптироваться к ним, а некоторым (например, оленеводам таежной зоны Сибири) удалось в меньшей степени, что вызвало массовый отказ от традиционных занятий. В случае коми-ижемских оленеводов поиск методов адаптации к новым условиям привел к восстановлению рыночноориентированного оленеводческого хозяйства. Современное оленеводство ижемцев, конечно, сильно отличается от того, что существовало в начале XX в., и проигрывает ему по относительной прибыльности. Тем не менее, оно позволяет ижемцам сохраниться в качестве оленеводов и занять свое место в новой общественной структуре, сложившейся на европейском севере России.

Формирование нового рыночноориентированного оленеводства поставило перед ижемцами ряд задач, решение которых потребовало значительных изменений в прежнем образе жизни. Одним из них стало снижение кочевой мобильности вследствие перехода к широкому использованию новых технических средств — снегоходов. Эти изменения, по-видимому, были необходимы для того, чтобы рыночноориентированное оленеводство стало по-настоящему успешным методом адаптации к новым социальным условиям. Однако они вошли в противоречие с экологической функцией кочевой мобильности.

В результате нарастания данного противоречия современное ижемское оленеводство, гораздо менее устойчиво в плане сохранения пастбищных ресурсов и противостояния

³⁵ См.: Истомин К. В. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства; Dwyer M. J., Istomin K. V. Technological carrying capacity renders ecological carrying capacity a redundant concept in pastoralist systems? A case study of "overgrazing" amongst Komi and Nenets reindeer herders // Sustainability in Karamoja? Rethinking the Terms of Global Sustainability in a Crisis Region of Africa. Köln, 2009. P. 271–287.

³⁶ См.: Dwyer M. J., Istomin K. V. Technological carrying capacity...

неблагоприятным снеговым условиям. Более того, не исключено, что в современном иже-ском оленеводстве может быть разрушен механизм, прежде делавший маловероятным экологический перевыпас пастбищ. Все это может иметь весьма негативные последствия для оленеводства. Действительно, современные оленеводы имеют как техническую возможность, так и экономическую инициативу нанести непоправимый экологический урон определенным участкам тундровой экосистемы, а именно пастбищам, расположенным

вблизи поселков (в случае Усы) либо вблизи долговременных стоянок (в случае Ижмы). Кроме того, снижение мобильности несет риск социальных конфликтов с оседлым населением.

Ближайшие годы покажут степень обоснованности представленных в статье обобщений. В любом случае происходящие в настоящее время в коми-ижемском оленеводстве изменения представляют как теоретический, так и практический интерес и нуждаются в дальнейшем изучении.

Kirill V. Istomin

Candidate of Historical Sciences, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the RAS (Russia, Syktyvkar)

E-mail: kistomin@naver.com

NOMADIC MOBILITY OF THE KOMI-IZHEM HERDERS: SNOWMOBILE REVOLUTION AND MARKET RESTORATION

The culture and everyday life of the Komi-Izhem herders living in the Komi republic changed significantly in the first decade of the 21st century. These changes were caused, on the one hand, by the completion of the process of herders adaptation to market economy conditions, which was manifested by a partial restoration of the market-driven nature of the Izhem reindeer herding (market restoration), and, on the other — by the rapid spread of snowmobiles which caused transformations comparable to the developments in the northern Scandinavia as a part of the so called snowmobile revolution. The most notable change was the decrease of nomadic mobility in winter periods. Part of the herders population completely abandoned the winter nomadism practices: in winter periods they live in villages or stationary communities herding reindeer in the radius of 40–60 km around them. Thanks to snowmobiles the herders can check and round up these herds regularly and, therefore, retain control over them. The transition to a semi-settled way of life allowed the herders to trade in their personal herds products: reindeer meat, antlers and, most important, fur boots and hats, and thus adapt successfully to market conditions. On the other hand, the decrease of nomadic mobility made the herders more vulnerable to changes of pasturing conditions (particularly snow cover quality), because the herders could not respond to them quickly enough by changing pasture lands. Use of snowmobiles allows the herders to keep the herds in the same pastures for longer time periods and thus intensify grazing, which creates additional risks. Finally, pasturing reindeer close to villages increases the risk of poaching by their sedentary inhabitants. This creates additional risks of potential conflicts in the society.

Key words: reindeer herding, nomadic mobility, environmental and social adaptation, post-socialist transformation, Komi, Izhemtsy, Bolshezemelskaya tundra

REFERENCES

- Barth F. Nomads of South-Persia; the Basseri Tribe of the Khamseh Confederacy. Boston: Little, Brown and Company, 1961, 180 p. (in English).
- Bates D. G. Nomads and Farmers: A Study of the Yörük of Southeastern Turkey. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1973, 249 p. (in English).
- Burnham P. The Journal of African History, 1975, Vol. 16, Issue 4, pp. 577–594. (in English).
- Chernov Yu. I. *Zhizn tundry* [Life tundra]. Moscow: Mysl Publ., 1980, 236 p. (in Russ.).
- Coppock D. L., Ellis J. E., Swift D. M. The Journal of Applied Ecology, 1986, Vol. 23, Issue 2, pp. 573–583. (in English).
- Dwyer M. J., Istomin K. V. Human Ecology, 2008, Vol. 36, Issue 4, pp. 521–533. (in English).

- Dwyer M. J., Istomin K. V. Sustainability in Karamoja? Rethinking the Terms of Global Sustainability in a Crisis Region of Africa. Köln: RüdigerKöppeVerlag, 2009, pp. 271–287. (in English).
- Dyson-Hudson R., Dyson-Hudson N. Annual Review of Anthropology, 1980, Vol. 9, pp. 15–61. (in English).
- Elam Y. Africa: Journal of the International African Institute, 1979, Vol. 49, Issue 2, pp. 147–158. (in English).
- Golovnev A. V., Osherenko G. Siberian survival : the Nenets and their story. Ithaca: Cornell University Press, 1999, 224 p. (in English).
- Gulliver P. H. Pastoralism in tropical Africa. London: Oxford University Press, 1975, pp. 369–386. (in English).
- Irons W. American Ethnologist, 1974, Vol. 1, Issue 4, pp. 635–658. (in English).
- Istomin K. V. *Pripolyarnaya perepis 1926/27 gg. na Yevropeyskom Severe (Arkhangelskaya guberniya i avtonomnaya oblast Komi)* [Circumpolar census 1926–27 biennium. the European North (Arkhangelsk province and autonomous region of Komi)]. St. Petersburg: EtnoEkspert Publ., 2010, pp. 317–319. (in Russ.).
- Jernsletten J.-L., Klovov K. Sustainable reindeer husbandry. Arctic Council 2000-2002. Published by University of Tromso, 2002. 157 p. (in English).
- Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. Madison: University of Wisconsin Press, 1994, 382 p. (in English).
- Konakov N. D., Kotov O. V. *Etnoarealnye gruppy komi: formirovanie i sovremennoe sostoyanie* [Etnoarealnye group Komi: formation and the current state]. Moscow: Nauka Publ., 1991, 232 p. (in Russ.).
- Krupnik I. I. *Sovetskaya etnografiya* (Soviet Ethnography), 1976, № 2, pp. 57–69. (in Russ.).
- Lashuk L. P. *Ocherk etnicheskoy istorii Pechorskogo Kraya* [Essay on the ethnic history of the Pechora area]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatelstvo Publ., 1958, 200 p. (in Russ.).
- Orlove B. S. Annual Review of Anthropology, 1980, Vol. 9, pp. 235–273. (in English).
- Paine R. Perspectives on Nomadism. Leiden: E. J. Brill, 1972, pp. 76–87. (in English).
- Pelto P. J. The snowmobile revolution: technology and social change in the Arctic. Prospect Heights: Wave-land Press, 1987, 234 p. (in English).
- Ulvevadet, B., Klovov K. Family-Based Reindeer Herding and Hunting Economies, and the Status and Management of Wild Reindeer/Caribou Populations. Edited by Tromso University, Center of Sami Studies. 2004. 170 p. (in English).
- Zherebtsov L. N. Istoriko-kulturnye vzaimootnosheniya komi s соседними narodami [Historical and cultural relations with the neighboring peoples of Komi]. Moscow: Nauka Publ., 1982, 222 p. (in Russ.).